

Компания решила, что Цзян Нин струсил, заметив его молчание и блуждающий взгляд. Это прибавило им дерзости.

Как же — Цзян Нин теперь вряд ли посмеет распускать руки! Защитить-то его больше некому.

Впрочем, они были не против взять его в свою тусовку — эдакой шестёркой на побегушках.

— Если будешь послушным... — Парень ухмыльнулся и потянулся к лицу Цзян Нина: — А ты ничё так, личиком вышел...

— Вы что тут удумали?

Раздался ледяной голос. Нотки с трудом сдерживаемого раздражения заставили парней невольно струхнуть. Обернувшись, они увидели Лу Чжиханя. Это холодное, резкое лицо показалось им смутно знакомым, но где именно они его видели, никто с ходу не вспомнил. Зато инвалидное кресло под ним привлекло внимание мгновенно.

— Ха-ха-ха!

— Слышь, инвалид, ты б не лез, а? Мы вообще-то калек опекаем...

Договорить он не успел. Внезапный, сокрушительный удар сбил его с ног и впечатал лицом прямо в ближайший обеденный стол.

Над ним возвышался Цзян Нин. Тот самый Цзян Нин — с надменным, ледяным взглядом, который, казалось, ничуть не изменился после изгнания из семьи Цзян. И как они, слепцы, вообще посмели подумать, что смогут сесть ему на шею?!

— Грязный у тебя рот, — с усмешкой проговорил Цзян Нин, подхватывая со стола чайник. — Давай-ка я тебе его промою. Мы же всё-таки одноклассники.

Горячий чай хлынул парню прямо на голову, брызги полетели на руки Цзян Нина.

— Цзян Нин! Ты совсем сбрендил?!

Глупец орал во всё горло, но чем шире он разевал рот, тем жесточе Цзян Нин вливал в него кипяток — пока чайник не опустел до последней капли.

Лишь тогда Цзян Нин разжал пальцы.

Паршивец рухнул на землю, вымокший до нитки. Подельники кинулись подхватывать его под

руки; они порывались ответить, но, наткнувшись на остекленевший взгляд Цзян Нина, мигом опешили.

Цзян Нин же спокойно скользнул взглядом по ало пылающим углям в мангале, взял длинные щипцы и подхватил раскалённый, брызжащий искрами уголёк.

Ветер подхватил красные искры, раздувая их во тьме. В глазах юноши стояла глухая, мертвенная стужа.

— Погреться захотели? Или сами свалите, пока не просохли?

Ругаясь на чём свет стоит и обзывая его психом, компания в страхе бросилась наутёк.

Опасная, давящая аура Цзян Нина испарилась в мгновение ока. Он улыбнулся так непринуждённо, словно не устроил только что жестокую расправу, а просто перекинулся парой слов со старыми знакомыми.

— Подъезжай, — с ухмылкой позвал он. — Сейчас увидишь Мастера Цзяна за работой! Двадцать лет стажа, не меньше.

На гриле аппетитно зашкворчала свиная грудинка, каплями жира стекая на угли и источая соблазнительный аромат. Цзян Нин ловко переворачивал шампуры.

Алое пламя от углей плясало на его дерзком лице, но так и не могло пробить холод, застывший в глубине зрачков.

Лу Чжихань впервые своими глазами наблюдал, как Цзян Нин дрётся. В эти минуты он напоминал грациозного гепарда — стремительного, уверенного, для которого противники были лишь жалкими, ничтожными сошками.

Подобные методы абсолютно не вписывались в жизненные принципы Лу Чжиханя. Однако, вопреки всему, он не почувствовал отвращения. Напротив, где-то в глубине души зародилось странное, труднообъяснимое чувство.

Цзян Нин подвинул к нему тарелку с готовыми шашлычками.

— Ты меня столько дней кормил, так что теперь твоя очередь пробовать, чем тебя батя угостит.

Он рассмеялся. На сбитых костяшках пальцев алели свежие ссадины, но Цзян Нин будто не замечал этой мелкой боли.

Лу Чжихань отлично знал: Цзян Нин дрался наотмашь, жестоко, но при этом был парадоксально чувствителен к боли — морщился даже от лёгкого прикосновения, когда ему обрабатывали раны.

Официант принёс запечённую рыбу. Покрытая щедрым слоем красного и зелёного перца, она истекала паром и источала дразнящий, пряный аромат. Следом подали напитки.

— Вы выполнили условия нашей акции, — вежливо произнёс официант, расставляя баночки. — Это вам в подарок от заведения. Приятного аппетита.

В подарок им досталось несколько баночек фруктового сидра в яркой упаковке.

Цзян Нин взял одну. Изящные пальцы цепко поддели язычок; раздался щелчок, и наружу вырвался сладковатый, освежающий аромат личи с газом. Прижав жестянку к тонким губам, Цзян Нин начал жадно пить — его кадык ритмично дёргался, пока не опустела добрая половина ёмкости.

— Газировка обычная, — хмыкнул он, глянув на Лу Чжиханя, и протянул банку: — Будешь?

Лу Чжихань на автомате потянулся за банкой, но Цзян Нин тут же отдёргнул руку:

— Ой, я же из неё уже пил. Не будем устраивать косвенные поцелуи.

С этими словами он взял закрытую жестянку.

Ощув ладонью холодный металл, Лу Чжихань взглянул на этикетку: сидр со вкусом морской соли и лимона. Сделав глоток, он почувствовал мягкую солоноватость с цитрусовой кислинкой. Градус и впрямь почти не ощущался.

Ужин затянулся, ночь окончательно вступила в свои права. На столе стояло с полдюжины пустых банок.

Допив последнюю, Цзян Нин пренебрежительно подытожил:

— Ерунда, а не алкоголь. Так, компот.

Позже, в замкнутом пространстве лифта, поднимавшего их на верхний этаж отеля, Лу Чжихань уловил исходящий от него густой, сладкий аромат фруктов.

Он взглянул на отражение в зеркальной стене.

Цзян Нин расслабленно откинулся на поручень. Его скулы и шея пылали ярче обычного, а брови слегка сдвинулись, словно от накатившей тошноты.

— Ты как?

Услышав вопрос, Цзян Нин выпрямился и с прежней беспечностью отозвался:

— Да нормально всё. Просто переел немного.

Вот только взгляд его выдавал. Взгляд размылся, стал блуждающим. В сощуренных раскосых глазах поубавилось привычного высокомерия — сейчас они напоминали подтопленную на огне карамель, дарящую обманчивую, тягучую нежность.

Лифт с тихим звоном остановился на верхнем этаже. Цзян Нин вышел на террасу.

Прохладный ночной ветерок немного сбил одолевавшую его духоту.

Слившись с темнотой, Цзян Нин опустился в плетёное кресло и с невольным напряжением в голосе произнёс:

— Заезжай в номер. Я ещё посижу немного.

Едва услышав сухой тихий шелест отъезжающего инвалидного кресла, Цзян Нин обмяк. Сбросив напускную уверенность, он откинулся на спинку, позволив захлестнуть себя чувствам, которые так отчаянно пытался подавить.

Он уставился на колебания воды в бассейне.

Ночь выдалась на редкость ясной. Луна и россыпь звёзд отражались в воде, словно призрачные осколки. Но Цзян Нину было не до пейзажей.

Потирая пылающие щёки, он против воли погрузился в воспоминания, что всплывали из глубин прошлого.

«Да он же просто сделал тебе замечание! Как ты мог наброситься на него с кулаками?! Ты самый настоящий псих!»

«Да кто вообще захочет с ним дружить? Я с ним общался только потому, что у него куча бабла, он всегда проставлялся, да ещё и в драку лез за меня по своей дурацкой "пацанской верности".»

Рванные воспоминания отступали всё глубже, унося его к детским годам — картинкам, которые, как он думал, давно стёрлись из памяти.

«Рёва! Только и умеешь, что нюни распускать! Тебя задирают, а ты сдачи дать не можешь? Никчёмный!»

«Свои проблемы решай сам. Нечего ко мне ходить и плакаться.»

...

Эти давно погребённые воспоминания пустили глубокие корни в его душе. Они росли вместе с ним, формируя его характер, проникая в каждую поступь, в каждый жест.

Ему может быть больно, но показать слабость — табу.

За его спиной никогда не было стены, за которой можно укрыться, поэтому ему приходилось защищать себя самому.

Да, он вот такой: жестокий, драчливый, неуправляемый. Конченный человек, которого уже не исправить. Впрочем, вокруг него всегда толпились люди — одним больше, одним меньше, какая разница?

В тишине ночи раздался едва слышный шорох, и перед ним легла тень.

Путавшиеся мысли на миг замёрзли.

Цзян Нин медленно поднял голову. Увидев вернувшегося Лу Чжиханя, он нервно сглотнул и проговорил сорванным, осипшим голосом:

— Зачем вернулся?

В точёных пальцах Лу Чжиханя поблёскивал стеклянный стакан. Он протянул его Цзян Нину:

— Отрезвляющий отвар.

Цзян Нин отвернулся:

— Не буду я это пить.

Он и сам не понимал, откуда в нём эта упёртость. Кажется, всё пошло наперекосяк с того

самого момента, как Лу Чжихань застал его за расправой. Сердце словно замерло в неведении, а он отчаянно пытался скрыть это за маской равнодушия.

Больше всего на свете ему хотелось просто уснуть, чтобы, проснувшись утром, обнаружить: ничего не было, а Лу Чжихань обо всём забыл.

Лу Чжихань не стал настаивать. Оставив стакан на небольшом круглом столике, он не уехал, а просто остался рядом, застыв в молчании.

Его присутствие лишало Цзян Нина остатков покоя. Оно обволакивало, подобно парной воде, не давая нащупать под ногами твёрдую опору.

Цзян Нин нахмурился:

— Ты уходить собираешься?

Лу Чжихань пристально смотрел на нетронутый стакан, проявляя странное упрямство.

Цзян Нин с досадой схватил ёмкость и осушил её одним махом. Стакан с глухим стуком опустился на стол. Опустив ресницы, Цзян Нин уткнулся взглядом в доски пола.

«Ну всё, теперь-то ты уйдёшь?»

Но вопреки ожиданиям Лу Чжихань не сдвинулся с места. Вдруг он протянул руку, и его ладонь мягко коснулась спины Цзян Нина, ровно и успокаивающе поглаживая.

Цзян Нин вскинул взгляд и встретился с его глазами — в их тёмной глубине, словно на поверхности ночной воды, ходили едва различимые волны. Натянута внутри струна слегка ослабла.

— Ты что делаешь?

— Так станет легче, — произнёс Лу Чжихань, продолжая плавно поглаживать его по спине сквозь ткань одежды. — Увидел у кого-то. Пробую в первый раз.

— И у кого же?

— На телеканале для молодых родителей.

Цзян Нин невольно хмыкнул. В памяти вспыхнули события последних дней: как Лу Чжихань обустроивал его быт, организовывал доставку еды, подписывал пробники и вот теперь —

опекал, словно малого ребёнка.

О таком отношении он раньше и мечтать не смел.

Тепло, которого он так и не получил от родных, подарил ему абсолютно чужой человек. Насмешка судьбы, да и только.

— И ты совсем меня не боишься? — Цзян Нин пристально взгляделся в его лицо. В голосе юноши засквозила затаённая угроза. — Не слышал поговорку про то, что бывает, если пригреть тигрёнка?

Лу Чжихань продолжал размеренно гладить его по спине, словно утихомиривал взъерошенного зверька, сглаживая каждый всплеск его недоверия. Его голос прозвучал спокойно и глубоко:

— А я бы с радостью на это посмотрел.

Он хотел видеть, как Цзян Нин растёт и превращается в сильного, ни на кого не похожего тигра.

Цзян Нин опешил от его ответа.

Его ведь уже предавали, и не раз... Так почему же в сердце снова вспыхнула эта безумная надежда?

«Лу Чжихань.»

«Ты ведь даже не представляешь... Если такой, как я, вцепится в тебя — он уже никогда не отпустит.»

«Так что не будь со мной слишком добр.»

<http://bllate.org/book/19724/1944206>